

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ. К ИТОГАМ XV МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

XV Международный конгресс экономической истории состоялся 3–7 августа 2009 г. в Утрехте (Нидерланды). Впервые он был назван “Мировым конгрессом”, в отличие от привычного названия “Международный конгресс”. Это изменение отражало как расширение состава участников научного форума, так и усиление внимания к изучению процессов глобализации, экономической интеграции.

На открытии конгресса с приветственной речью выступил министр финансов Нидерландов Я. Кеес де Ягер, который охарактеризовал тенденции современного этапа развития мировой экономики, а также дал краткий анализ исторических факторов успешного развития голландской экономики. Честь выступления на пленарном заседании Конгресса была предоставлена одному из наиболее известных экономистов современности профессору экономики Массачусетского технологического института (США) Д. Асемоглу. Его доклад “Исторические корни бедности” вызвал большой интерес.

Конгресс, организованный Международной ассоциацией экономической истории, оказался одним из самых представительных за 50-летнюю историю конгрессов по экономической истории: более 1200 участников из 60 стран; на 133 секциях были обсуждены более 800 докладов¹. Наиболее заметным было представительство Великобритании (140 участников) и США (124 участника), а также Испании, скандинавских стран, Голландии, Франции и Японии (по 80–110 чел.), Италии и Германии (по 50–60). Латинская Америка была представлена 60 участниками, Азия – 120. Впервые численность китайской делегации превысила численность российской (23 и 17 участников соответственно).

Наши ученые организовали четыре секции, представили 14 докладов, выступали экспертами на заседаниях ряда секций. Среди российских участников были ученые из Института Всеобщей истории (ИВИ) РАН, Института Российской истории (ИРИ) РАН, Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, Института социологии РАН, Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ), Российского университета Дружбы народов (РУДН), Российской экономической школы, Московского областного педагогического университета (МОПУ), Центробанка РФ, Мордовского госуниверситета (Саранск). Представительство российской науки могло быть и более заметным, но, к сожалению, не все российские участники получили поддержку со стороны российских фондов, в связи с чем ряд докладов не был представлен. Некоторые российские докладчики приехали в Утрехт за собственный счет.

Среди организаторов секций наибольшее представительство имели ученые из США, Великобритании и Франции (с их участием были организованы 29, 27 и 25 секций соответственно), а также Голландии, Испании, Японии, Италии и Германии (по 13–18 секций). Организаторами секций выступили ученые из Канады (10 секций), Австралии, Бельгии, Швейцарии, Швеции (по 7), Индии, Китая, России (4), Финлян-

¹ Доклады участников представлены на сайте: www.eh.net

дии, Норвегии, Турции (3), Австрии, Венгрии, Румынии, Польши, Ирландии, Португалии, Греции, Бразилии, ЮАР (2), Чехии, Дании, Аргентины, Мексики, Уругвая, Колумбии, Израиля, Гонконга (1). Таким образом, среди организаторов секций были представители 36 стран.

Данные о числе организаторов секций в совокупности с данными о числе участников конгресса из каждой страны отражают в целом современную картину развития экономической истории в ее географическом аспекте. Как и на предшествующих конгрессах, на первых позициях находятся экономические историки Великобритании и США, однако возрастает роль ученых Франции, Испании, Голландии, а также Италии и Германии. Растет представительность японской школы экономической истории, входящей в число 5–6 наиболее активных национальных школ.

Уровень организации работы конгресса был очень высоким, включая и длительный этап его подготовки. Однако рекордное за все годы количество секций имело и оборотную сторону: параллельная работа 15 секций создавала трудности для участников, имевших несколько сфер интересов; в ряде случаев аудитории были переполнены.

Тематика секций была разнообразна. Наиболее широко были представлены: финансовая история, история банковского дела (отражена в работе 20 секций), социокультурные и демографические аспекты экономического развития, уровень жизни населения (17 секций), внешнеэкономические отношения (14), процессы экономической интеграции и глобализации (13), роль государства в экономическом развитии, экономический рост (13), формирование и эволюция институтов рынка (10), история отраслей промышленности и отраслевых рынков (8), природные ресурсы в экономическом развитии, история энергетики, экоистория (7), наука и технологии в экономическом развитии (6), история предпринимательства (5), рынки труда, эволюция трудовых отношений (5), экономические аспекты развития городов (5), военная экономика (4), аграрная история (3), эволюция форм собственности в экономическом развитии (3), индустриализация в ее экономических измерениях (2), “теневая” экономика (2). На четырех секциях обсуждались вопросы развития методологических подходов и методов историко-экономического исследования.

Характерной чертой работы почти всех секций был их компаративный характер: научные проблемы рассматривались на материале разных стран, что позволяло выявить общее и особенное в характере обсуждаемых процессов экономического развития.

Проблематика секций, организованных российскими учеными при участии зарубежных коллег, была весьма широкой. Член-корр. РАН С.П. Карпов (МГУ) организовал совместно с испанским ученым Х. Торро-и-Абадом секцию E2 – “Феодалная экспансия и экономическое развитие стран европейской периферии (XII – XV вв.)”.

Секция J10, организованная д.и.н. В.Н. Захаровым (Московский областной педагогический университет) и Я.В. Велувенкампом (Нидерланды) была посвящена вопросам истории купеческих сообществ (колоний) в контексте международной торговли в Раннее Новое время. На секции L7, организаторы – д.и.н. Ю.А. Петров (Центральный банк РФ) и Д. Дальман (ФРГ), – обсуждались вопросы о роли этнических и конфессиональных меньшинств в предпринимательских сообществах в XIX – начале XX вв.

К.и.н. М.А. Липкин (ИВИ РАН) вместе с коллегами из университетов Западной Европы К.К. Пателем и А. Романо провел секцию “СЭВ и ЕЭС: 1950е – 1980-е”, участники которой представили доклады об экономическом взаимодействии стран Европейского сообщества и “советского блока” в годы холодной войны.

Работа секций, организованных при участии российских ученых, еще раз подтвердила перспективность международного научного сотрудничества для решения исследовательских задач, выходящих за рамки одной страны. Так, в заседании секции “Предпринимательские меньшинства и современный экономический рост, XIX – начало XX вв.” приняли участие 8 докладчиков из различных стран, в том числе России, США, Швеции, Нидерландов, Германии. Доклады были посвящены различным

аспектам истории национальных и этноконфессиональных предпринимательских меньшинств в странах Европы и исследованию их вклада в современный экономический рост. Участниками секции подчеркивалось, что история компактных этноконфессиональных групп предпринимателей в иноверческом окружении («торговые», или «предпринимательские меньшинства»), возникавших в результате миграционных процессов в Европе и Америке, в последнее время привлекает внимание исследователей разных стран. При этом дореволюционная Россия не представляла исключения в мировой истории предпринимательства. Представители различных национальных или национально-религиозных групп Российской империи исповедовали разные религии и придерживались разных этических норм в своей предпринимательской деятельности. Это отразилось на особенностях предпринимательской культуры в России, ее многообразии. В ней переплелись наряду с традициями западноевропейского предпринимательства и протестантской этикой, такие основные этноконфессиональные группы, как старообрядческие, еврейские и мусульманские предприниматели. Итоги работы секции еще раз подтвердили необходимость рассматривать историю России в общемировом контексте и актуальность международных проектов для исследования глобальных процессов экономического развития.

Эти наблюдения нашли свое подтверждение и в ходе работы секции М6 («Институты, рынки и потоки капитала (1880–2000 гг.): почему финансовые центры обладают притягательной силой?»). Международный контекст рассмотрения данной проблематики позволил лучше понять значение Петербурга в структуре европейского фондового рынка. Доклад о взаимосвязи биржевых индексов Санкт-Петербургской и европейских фондовых бирж представил д.и.н. Л.И. Бородкин (МГУ). По оценке британского докладчика Р. Мичи, Санкт-Петербургская фондовая биржа занимала в начале XX в. пятое место в мире. Эволюция ролей мировых финансовых центров прослеживалась в серии докладов, представленных исследователями из США, Великобритании, Франции, Германии, Италии, Испании, Швейцарии, Мексики, Румынии.

Что касается хронологических аспектов тематики секций, то Утрехтский конгресс в этом плане мало отличался от предыдущего конгресса (Хельсинки, 2006 г.). Хотя, как и раньше, в центре внимания были экономические процессы недавнего прошлого: XIX–XX вв. (38 секций), XX в. (17 секций) или XX–XXI вв. (6 секций), немало секций рассматривали эти процессы на более протяженных периодах – с XVIII по XX вв. или по XIX в. (13 секций) и даже с XV или XVI вв. по XX в. (13 секций), а иногда – с античности до наших дней или на протяжении последнего тысячелетия. Экономические процессы античности и средневековья традиционно получили меньше внимания (7 секций).

Представляет интерес и территориальный аспект рассматривавшихся процессов экономического развития прошлого. Более 80 секций были ориентированы на обсуждение проблем экономической истории безотносительно к тому или иному региону мира, 10 секций в своих названиях отражали глобальные процессы. Восемь секций были сосредоточены на Европе в целом, еще 16 – на тех или иных регионах Европы (страны Центральной и Восточной Европы, Скандинавии, Балтики, Западной Европы, Великобритании, Германии, Испании). На четырех секциях обсуждались проблемы экономической истории Азии, еще на восьми – различных ее регионах (Южная Азия, Китай, Япония, Индия). Проблематика Латинской Америки обсуждалась на трех секциях, Северной Америки – на одной, обеих Америк – на двух, Атлантического региона – на двух, Африки – на двух, Ближнего Востока и Северной Африки – на одной, Исламских империй – на двух.

Сравнивая проблематику Утрехтского и Хельсинкского конгрессов, можно отметить возрастание внимания к экономической истории Китая, Индии, Латинской Америки и в то же время – определенное уменьшение внимания к России, странам Восточной Европы (хотя представительство этого региона заметно увеличилось – в Утрехте зарегистрировались 50 участников из стран Восточной Европы, и при этом ученые из стран СНГ (кроме России) в работе конгресса практически не участвовали). Больше

внимания на секциях этого конгресса уделялось проблеме неравенства при рассмотрении различных эпох и регионов мира. Так, на заседании “вице-президентской” секции “Глобальное неравенство в долгосрочном измерении”, организованной Я.-Л. Ван Занденом (Голландия) совместно с Й. Батеном (Германия) и Л. Бертола (Уругвай), присутствовало более 150 участников конгресса, и аудитория не смогла вместить всех желающих. Больше внимания в работе секций уделялось вопросам роли технологических инноваций, восприимчивости к ним экономических институтов. Эти вопросы обсуждались, например, на секции “Наука, технологии и экономическая история”. Интерес участников конгресса вызвала и полемика по поводу факторов замедления темпов роста экономики в большинстве развитых стран в последнем десятилетии. По отношению к Японии об этом говорил О. Сайто, который отметил, что рост производительности труда в японской экономике с 1990-х гг. гораздо ниже, чем это было в годы “японского чуда” (в 50–70-х гг.). Этот факт получил любопытную и вполне естественную интерпретацию в выступлении В. Заманьи (Италия): на этапе нынешнего перехода к постиндустриальному обществу заметно возрастает доля людей, занятых в секторе услуг; в отличие от предыдущего этапа, когда труд людей заменялся автоматизированными производственными линиями и высокотехнологичным оборудованием, сегодня труд людей в секторе услуг уже в высокой степени компьютеризован, и заметного повышения производительности труда в этом секторе, доминирующем по числу занятых в нем людей, ожидать не стоит.

Работа секций конгресса показала также, что расширяется арсенал методов и технологий, используемых в исследованиях историков-экономистов. Так, секция В8, организованная испанскими учеными Д.А. Гарсия и А.К. Солана, включала 11 докладов, авторами которых технологии географических информационных систем и методы нелинейной динамики эффективно применялись в исследовании пространственных аспектов испанской колонизации Латинской Америки в XV–XVIII вв.

На XV конгрессе в первый раз был проведен эксперимент по организации стендовых докладов молодых ученых, отобранных исполкомом Международной ассоциации экономической истории.

Впервые в программе был заявлен прогностический потенциал экономической истории. Секция “Мир в 2030 г. Взгляд в будущее с учетом долгосрочных тенденций”, организованная Дж. Тониоло, собрала большую аудиторию. Возможно, появление этого нового направления в работе конгресса связано с текущей экономической ситуацией в мире. На секции выступили несколько известных специалистов, занимающихся проблемами глобальной истории, международными сравнениями исторической статистики, исследованиями тенденций экономического развития последних десятилетий. В целом прозвучавшие прогнозы трудно назвать оптимистичными. В частности, выступавшие обсуждали нарастающие проблемы постепенного истощения природных ресурсов, растущей миграции из Африки в страны Европы, возможные последствия для стран Запада прогнозируемого усиления Китая и Индии.

Новой была и направленность секции F7 “Становление Международных конгрессов экономической истории”. Секция, инициированная в связи с приближающимся 50-летием первого конгресса, была проведена в жанре “устной истории”. В центре внимания были механизмы взаимодействия членов исполкома Международной ассоциации экономической истории в годы “холодной войны”, поиска баланса в тематике конгрессов в то время. Наибольший интерес вызвали выступления ветеранов Международной ассоциации, почетных президентов этой организации П. Матиаса (Великобритания) и Г. Ван дер Вее (Бельгия). На “круглом столе” выступили участники из России, США, Франции, Италии, Финляндии, Японии, Китая, Индии. Общее мнение сводилось к тому, что сообщество специалистов по экономической истории стремилось минимизировать степень политизированности тематики секций, избежать “блокового мышления” в трактовке процессов и событий новой и новейшей истории экономики.

Новым элементом в работе конгресса было заключительное пленарное заседание, на котором была проведена открытая дискуссия двух ученых с мировым именем –

Р. Аллена (Великобритания) и Дж. Мокира (США). В ходе дискуссии были даны две заметно различающиеся интерпретации феномена первой в мировой истории индустриальной революции, которая произошла в Великобритании. Дискуссия вызвала большой интерес участников конгресса – послушать ее пришли почти 1000 человек.

Из новаций конгресса следует также отметить проведенную российскими участниками презентацию энциклопедии “Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.” (Т. 1–2, М.: РОССПЭН, 2008–2009). Этот масштабный проект с участием более 200 авторов на протяжении ряда лет был поддержан Российским государственным научным фондом (РГНФ) на стадии исследовательской разработки, а затем и в качестве издательского проекта. Презентация была организована генеральным директором издательства “Российская политическая энциклопедия” к.и.н. А.К. Сорокиным. В мероприятии принял участие директор РГНФ к.и.н. А.В. Юрасов. В презентации участвовало около 40 ученых. Перед собравшимися выступили руководитель проекта Ю.А. Петров, А.К. Сорокин, С.П. Карпов, Л.И. Бородин, почетные президенты Международной ассоциации экономической истории Р. Хьерппе (Финляндия) и Р. Сатч (США), а также Д. Дальманн (ФРГ) и другие ученые.

Конгресс выявил и ряд проблемных мест, связанных с российским участием в Международной ассоциации экономической истории. Так, в конкурсе диссертаций молодых ученых, который проводился по трем хронологическим этапам (до XIX в., “долгий XIX в.”, “долгий XX в.”), не было ни одной работы из России. При этом уровень представленных на конкурс работ отнюдь не был недостижимым, и российские ученые вполне могли соперничать со своими зарубежными коллегами. Единственный сдерживающий фактор – необходимость представить диссертацию на английском языке – вполне по силам преодолеть новой генерации российской науки, если она хочет на равных участвовать в жизни мирового научного сообщества.

Конгресс обнажил ставшую традиционной организационную слабость отечественной науки, которая выражается в отсутствии в России национальной ассоциации экономической истории. Международная ассоциация экономической истории по уставу является объединением независимых неправительственных добровольных исследовательских ассоциаций, и отсутствие таковой в нашей стране серьезно затрудняет работу российских ученых на международной арене. Создание такого добровольного профессионального объединения является одной из насущных задач развития отечественной историко-экономической науки.

Из основных организационных итогов конгресса отметим, что на Генеральной ассамблее Международной ассоциации экономической истории, состоявшейся в ходе конгресса, была проведена ротация состава Исполкома ассоциации. Членом этого руководящего органа избран на второй срок Ю.А. Петров. Президентом ассоциации на следующий срок избран Я.-Л. Ван Занден (Нидерланды), пост Генерального секретаря сохранил Й. Батен (Германия). Р. Хьерппе (Финляндия) избрана почетным Президентом ассоциации. Было решено, что следующий, XVI Международный конгресс экономической истории состоится в 2012 г. в г. Стелленбош, ЮАР – впервые на африканском континенте. Надеемся, что российские историки-экономисты инициируют создание ряда секций и примут активное участие в работе будущего конгресса².

Ниже публикуются (в сокращенном виде) выступления российских участников конгресса на “круглом столе” в Центре экономической истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова 23 сентября 2009 г. В обсуждении участвовали: член-корр. РАН С.П. Карпов, д.и.н. И.В. Поткина (ИРИ РАН), д.и.н. Б.М. Шпотов, к.и.н. М.А. Липкин (оба – ИВИ РАН), д.и.н. В.В. Керов (РУДН), д.и.н. В.Н. Захаров (МОПУ), к.и.н. Д.В. Диденко (Институт комплексных социальных исследований РАН).

²Официальный сайт конгресса в Стелленбоше: www.wehc2012.org

С.П. Карпов. Конгресс в Утрехте отличался прекрасной подготовкой, высокой технологичностью работы оргкомитета, информативным сайтом (предоставлявшим широкие возможности загрузки и чтения материалов), дискуссионными возможностями, прекрасным оформлением стендов для презентации материалов, особенно постеров.

Однако следует отметить недостаточность и неудобство помещений университета для полуторатысячной аудитории ученых и большого числа секций. Отчасти это компенсировалось четкой работой волонтеров, разводящих и направляющих участников и гостей. Огорчало отсутствие языкового плюрализма: англоязычность преобладала.

Основная тематика конгресса – процессы индустриализации и модернизации, преимущественно конец XVIII – начало XX вв., экономика развивающихся стран, особенно Китая. На конгрессе присутствовала значительная китайская делегация, хорошо спонсируемая, но в основном состоявшая из слушателей.

Достоинством конгресса является проведение секций с презентациями наиболее успешных и недавно защищенных диссертаций, результаты которых еще не опубликованы или опубликованы частично.

Еще одной особенностью было проведение заседаний ряда секций, посвященных проблемам денежного обращения и платежных средств: “Экономика и история монеты в XIX–XX вв. в Юго-Восточной Европе”, “Деньги как товар”, “Социальная история кредита”, “Пересмотр роли совокупных расчетных денежных единиц”, “Денежное обращение в Центральной Европе”, “Проблемы монеты и монетная политика в мировой экономике до 1800 г.”. Не случайно в работе этих секций принимали участие ведущие нумизматы, хранители фондов крупнейших музеев Европы, США, Австралии. Финансам и их управлению уделялось большое внимание на секциях по истории страхования, фискальных систем, истории обменных операций.

Вместе с Х. Торро-и-Абадом (Испания) я был организатором “круглого стола” на тему “Феодалная экспансия и экономическое развитие европейской периферии (XII–XV вв.)”. На нем изучались процессы феодалной колонизации в эпоху Реконкисты в Валенсии (В. Байдал, Ф. Эскивилья), на Балеарских островах (Р. Сото и А. Мас), венецианская и генуэзская торговая колонизация в Приазовье (Тана, XIV–XV вв.). И. Торро подверг детальному анализу крепостничество и систему феодалной ренты в завоеванных “латинянами” областях Греции и Балкан (XII–XIV вв.). Дж. Дживен (Великобритания) продемонстрировал условность самого понятия “колониализм” Средневековья, опираясь, преимущественно, на материалы истории внутренней колонизации Шотландии и Ирландии. В моем докладе большое внимание уделялось объяснению причин того, почему, несмотря на огромную внешнюю угрозу и частые разрушения от татарских набегов, Тана оставалось одним из главнейших узлов евразийской торговли XIV–XV вв. Проанализировав более 3 тыс. нотариальных актов, отражавших торговые сделки и инвестиции в торговлю, автор пришел к выводу, что главный интерес итальянских коммерсантов представляла работоторговля.

Этот вывод сам по себе не нов, но новые выявленные долевые соотношения: на работоторговлю в Тане приходится 54% всех торговых сделок в этом месте. Далее, с большим отрывом, идет торговля рыбой и икрой (8%), вином, мехами, сукном, зерном, кожами (от 2 до 5%). Влияние итальянской торговли на структуру производства в Приазовье было ограниченным. Культурно-экономические контакты приводили к появлению синкретического стиля в искусстве, играли важную роль в поддержании динамического равновесия политических сил в зоне взаимодействий Запада и Востока, Севера и Юга Евразии.

Значительное внимание в докладе было уделено значению мирового экономического кризиса середины XIV в. и механизмам его преодоления. Немалый интерес представляло сравнение разных моделей колонизации в Средние века и ее коренное отличие от колониализма Нового времени. Заседания сопровождалось презентациями и вызвали оживленную дискуссию.

И.В. Поткина. Конгрессы по экономической истории вносят серьезный вклад в развитие мировой науки на протяжении 50 лет. XV конгресс собрал рекордное количество участников. Однако российские ученые, как и в прежние годы, продолжают оставаться слабо интегрированными в мировой научный процесс. В Утрехте в качестве организаторов структурных единиц конгресса выступили лишь 4 россиянина; все они – представители научных и учебных заведений Москвы. Российские региональные центры по экономической истории не выставили ни одного докладчика. От нашей страны никто не принимал участия ни в конкурсе диссертаций, ни в стендовых докладах (предоставленная молодым ученым возможность продемонстрировать результаты своих исследований). К сожалению, как показывает нынешнее положение вещей в отечественной экономической истории, в обозримом будущем вряд ли можно ожидать существенного увеличения российского участия на международной арене. Как и в предыдущие годы, самыми многочисленными оказались американская и британская делегации, что является косвенным свидетельством мирового интеллектуального лидерства США и Великобритании в этой отрасли знания. Справедливости ради следует отметить, что по устным отзывам ряда участников конгресса, российская делегация, несмотря на малочисленность, показала себя сильной и сплоченной командой.

Организаторы XV Всемирного конгресса по экономической истории, в конечном счете, оказались на высоте, сделав максимум для свободного и широкого обмена мнениями в неформальной обстановке, а не только во время работы секций. В целом программа была чрезвычайно интересна и разнообразна, отвечала научным запросам каждого делегата.

Поверхностный анализ проблематики секций позволяет сделать предварительные выводы о некоторых современных тенденциях в мировой экономической истории. Междисциплинарный и сравнительно-исторический подходы, а также широкие временные границы стали отличительными чертами работы всех структурных звеньев конгресса. Это в известной степени затрудняет систематизацию по проблемно-хронологическому принципу. Тем не менее, в Утрехте в 2009 г., как представляется, на первый план вышла проблема глобализации экономики, разные аспекты которой обсуждались на многих площадках. Часто встречались секции, в которых заявлены вопросы региональной, социальной или гендерной истории. Обращает на себя внимание тот факт, что на конгрессах закрепились проблематика, связанная с изучением предпринимательства и фирм; в Утрехте ученые отдали должное анализу вопросов управления. В этой отрасли знания диверсификация тем обозначилась давно; в течение определенного времени они развивались обособленно, не демонстрируя свою родовую связь с экономической историей. Однако в начале XXI в. исследования историков-экономистов и историков бизнеса стали опять настолько тесно соприкасаться, что провести границу между этим двумя научными дисциплинами становится едва ли возможно. Об этом свидетельствует проблематика секций и название докладов, представленных на конгрессе в Утрехте.

В Утрехте было организовано восемь секций, посвященных актуальным проблемам истории предпринимательства. Их тематика и страноведческая привязка весьма разнообразны, однако выделяются те, которые во главу угла поставили вопросы теории. В качестве организаторов и руководителей выступили авторитетные ученые, давно разрабатывающие теоретико-методологические аспекты истории бизнеса. Одна секция называлась “Исторические детерминанты предпринимательства, 1800–2000 гг.”, ее возглавили Ю. Кассис и Ф. Аматори. Другая – “Своекорыстная или развивающая: роль промышленных ассоциаций”; ей руководили М. Кассон и С. Вилль. Громкие имена обеспечили научный успех и повышенный интерес со стороны участников конгресса. При всей внешней несхожести тематики, эти секции оказались внутренне взаимосвязанными. Их объединяло стремление пойти в теоретических обобщениях дальше концепции историка-экономиста из США профессора Гарвардской школы бизнеса А.Д. Чандлера и, опираясь на конкретно-исторические исследования, найти общие закономерности в развитии предпринимательства не на уровне и внутри фирмы,

а вовне, т.е. в ее взаимосвязях с окружающей средой и экономическими институтами. Заинтересованный обмен мнениями, в котором принимали участие и сторонние наблюдатели, высказываемые предложения и критические замечания имели позитивный и конструктивный характер. Общими усилиями рождались новые концепции развития предпринимательства.

Хотелось бы обратить внимание на положительную черту, которая свидетельствует о научной пользе таких форумов, как Всемирный конгресс по экономической истории. В отдельных случаях изучение проблемы, вынесенной в название секции, не завершается с окончанием работы конгресса. Докладчики дорабатывают свои устные выступления и готовят их к публикации. Хочу привести конкретные примеры. Так, Ю. Бонен и Ф. де Гой, руководители секции “Американские фирмы в Европе, 1880–1980 гг.” XIV конгресса, состоявшегося в 2006 г. в Хельсинки, к форуму 2009 г. выпустили под тем же названием солидный фолиант, в котором теоретическая часть предваряет конкретно-исторические очерки. Французский историк Ю. Бонен, выступив в 2009 г. в качестве одного из организаторов секции “История инвестиционного банковского дела, XIX–XXI вв.”, в очередной раз запланировал подготовку тома по итогам работы. Такие же планы имеют Ф. Аматори и Ю. Кассис, М. Кассон и С. Вилль – руководители секций по истории предпринимательства.

Б.М. Шнотов. Тематика бизнеса (предпринимательства) и его истории поистине неисчерпаема и всегда присутствует на таких научных форумах, как Международные конгрессы по экономической истории. На XV Международном конгрессе в Утрехте были представлены доклады, авторы которых отошли от определения предпринимательской функции, данного Чандлером. Исследуя историческую эволюцию компаний как организаций, он относил к предпринимательским те из них, которыми руководили узкие группы собственников капитала с небольшим штатом служащих. Это было типично для небольшого предприятия XIX в., но стало анахронизмом для крупной акционированной “менеджерской” компании XX в., считал Чандлер³.

Секция 13 называлась “Исторические детерминанты предпринимательства в 1800–2000 гг.”. В своем докладе⁴ итальянский историк экономики и бизнеса Ф. Аматори назвал предпринимательство “неуловимым понятием”, которое невозможно выразить “с математической точностью”. Судя по исследованиям нескольких последних десятилетий, оно охватывает широкий круг занятий и разный общественный статус – от положения главы крупной компании до уличного торговца, который выбирает оптимальное место для продажи своего товара. Исходя из определения предпринимателя как новатора, который внедряет новый продукт, вводит новую технологию, находит нишу на рынке, трансформирует характер рыночных связей (от конкуренции до монополии и обратно), Аматори назвал предпринимателями тех, кто распределяет ресурсы компании независимо от формы собственности на капитал. По Чандлеру, в “менеджерской” фирме, в отличие от “предпринимательской” или переходной от второй к первой, предпринимателей как таковых не существует. Высшие администраторы компаний обычно входят в совет директоров, но фактически организующая и направляющая роль принадлежит именно менеджерам, которые ведут всю текущую работу и определяют стратегию фирмы, в том числе распределение ресурсов. Аматори пришел к выводу, что определение предпринимателя как новатора теряет первоначальный смысл, поскольку новаторство – отнюдь не единственная его прерогатива. Изучая развитие предпринимательства в Италии, Аматори выявил его основные признаки. Это завершение политического объединения страны в XIX в., воздействие мировой экономики на динамику внутреннего рынка, активная экономическая политика государства.

³ Шнотов Б.М. Формирование “американского” пути индустриального развития (конец XIX – начало XX века). – Новая и новейшая история, 2009, № 2, с. 20–35.

⁴ Amatory F. Entrepreneurial Typologies in the History of Industrial Italy: Reconsiderations. – Programme of the XVth World Economic History Congress. Utrecht University, 2009, p. 127. Тексты аннотаций и докладов см.: www.wehc2009.org

На мой взгляд, понимание предпринимательства итальянским ученым вовсе не означает переименования высших менеджеров или директоров в предпринимателей. Современную компанию многие исследователи называют уже не менеджерской, главные черты которой, по Чандлеру, это большой размер, интеграция и иерархия управленческой бюрократии, а предпринимательской, имея в виду процессы совершенствования и приспособления к новым социально-экономическим реалиям⁵. В новейшей литературе по бизнесу вопрос о качествах успешного руководителя, группового и корпоративного лидера, ставится значительно шире, чем право на распределение ресурсов⁶.

Можно сказать и так: предприниматель – не собственник компании и не функционер в ней, а предприимчивый руководитель, способный проводить требуемые временем и ситуацией изменения и гибко реагировать на перемены во внешнем окружении бизнеса. Руководитель – не всегда лидер. Логически рассуждая, современный администратор бизнеса с качествами лидера – предприниматель, но это – поведенческая характеристика, не зависящая от должности или отношения к собственности.

Я не нахожу принципиальных противоречий между точками зрения И. Шумпетера, Чандлера и современных исследователей в оценке предпринимателей и менеджеров. Шумпетер подчеркивал новаторскую, креативную роль создателя или руководителя фирмы, Аматори – необходимость тех же качеств у ее высших руководителей, которые, если имеются, дают им право называться предпринимателями (добавлю: по признаку креативного делового поведения). Чандлер никогда не отрицал необходимость творческого отношения к бизнесу, но занимаясь исторической эволюцией фирмы с времен А. Смита до становления индустриального капитализма XX в., он, естественно, сосредоточился на организационной, а не поведенческой стороне. Никто не отрицает возрастания роли менеджеров в процессе эволюции компаний, что положило в основу своего исследования Чандлер, но невозможно отрицать и изменения самих компаний, и окружающей их социально-экономической и социокультурной среды.

Трудно перечислить весь арсенал новых методов оптимизации бизнеса в конце XX в. Это, например, замена традиционной интеграции – совмещения в одной фирме всех операций от приобретения сырья до сбыта готовой продукции, и рассредоточение их по партнерским компаниям, что может позволить каждому участнику получать выгоду от уникальных возможностей и умений всех остальных, передача части операций подрядчикам. Необходимость реформирования классических “менеджерских фирм”, превозносимых Чандлером, стала ощущаться с 1970-х годов. Организационные структуры становились все более плоскими и гибкими, избавляясь от строго вертикальных, иерархических схем, сложившихся в “золотой век” интегрированных предприятий и массового производства. Альтернативой отделам с фиксированными обязанностями (производство, маркетинг, управление финансами) становились временно создаваемые для оперативной реализации определенных проектов смешанные команды из сотрудников разных отделов. Это ослабляло влияние бюрократии и придавало внутренним связям в компании более подвижную, децентрализованную и горизонтальную конфигурацию.

На той же секции рассматривался вопрос о типологии предпринимательства в Испании в зависимости от полученного образования, о влиянии культурных факторов на желание стать предпринимателем. Количественный анализ не выявил доминирования определенного вида университетского образования для развития предпринимательских качеств. К сожалению, не все предполагавшиеся докладчики – например, профессор Женевского университета Й. Кассис, смогли принять участие в работе секции.

⁵ *Best M.* The New Competition. Cambridge (MA), 1990; *Quinn J.B.* The Intelligent Enterprise. New York, 1992; *Gouillart F., Kelly J.* Transforming the Organization. New York, 1995.

⁶ Менеджмент. М., 1999, с. 511–521, 562–620, 673–680; *Бойетт Дж. Г.* *Бойетт Дж. Т.* Путеводитель по царству мудрости: лучшие идеи мастеров управления. М., 2001; их же. Путеводитель по царству мудрости: лучшие идеи крупнейших предпринимателей. М., 2004.

Из других секций, посвященных бизнесу, обращает на себя внимание секция “Роль ассоциаций промышленников: самоутверждение или развитие”, которая перекликается с тематикой международной конференции Европейской ассоциации истории бизнеса в Глазго в августе 2010 г. Это некоммерческая деятельность за пределами фирмы – спонсорские, благотворительные акции, которым уделялось относительно мало внимания.

В.В. Керов. Утрехтский форум дал возможность зафиксировать новые тенденции эволюции современной экономической истории. Показательно, что специальная секция была посвящена роли конгресса в формировании хотя бы относительно единого историко-экономического сообщества в условиях “холодной войны” и после нее. Не менее ярким проявлением тенденции представляется и участие в открытии последних конгрессов руководителей государств, принимающих его. Это важно для статуса и дальнейшего наполнения содержанием самого форума, но в данном случае следует отметить, что международное сообщество устами Исполнительного комитета ассоциации признало его репрезентативность как “зеркала” мировой экономической истории. Поэтому и другие тенденции, проявившиеся на конгрессе, могут быть признаны вполне адекватными реальностям современной группы дисциплин, представители которых докладывали о своих исследованиях.

Коллеги, подводя итоги ранее проходивших конгрессов, отмечали некое “противостояние” классической, в значительной степени англо-американской, экономической истории и экономической истории, ориентированной более антропологически. Речь шла о двух “экономических историях”: эконометрике, занимающей практически все страницы журнала “Экономик хистори ревью” и других подобных изданий, и историографии, исследующей прошлое экономических процессов с позиций социальной и социокультурной истории. Если политэкономия имеет длительные традиции и авторитет среди 100%-х экономистов, то социокультурная и социальная история хозяйствования остается уделом социологов и историков.

Один из интересных современных экономистов Д. Асемоглу, сделавший доклад на открытии конгресса, потому и считается передовым ученым, что в значительной степени объясняет экономическое развитие, исходя не только из экономических процессов. Американский специалист активно привлекает данные политического и социального, даже медико-биологического характера. Показательно, что он призвал историков и экономистов сотрудничать в рамках экономической истории. Впрочем, в духе так называемого академического “экономического империализма” Асемоглу несколько асимметрично понимает это сотрудничество, с эконометрических высот призывая историков читать его труды и его коллег, но почти не обращаясь к работам историков, изучающих хозяйственные процессы. Важно здесь то, что находящиеся на Олимпе эконометрики ученые начали проявлять заинтересованность в том, чтобы их идеи распространялись и в среде историков. На мой взгляд, это свидетельствует о том, что широко мыслящие экономисты в условиях развития междисциплинарности мировой общественной науки постепенно приходят к осознанию ограниченности выводов, касающихся лишь экономических феноменов. Асемоглу попытался выйти на заключения относительно целостного развития человеческого социума. Здесь, кстати, ему могло бы помочь знакомство с основными достижениями мировой исторической науки. Видимо, речь идет о тенденции к гуманитаризации экономической истории, к учету многих антропологических факторов развития экономики. Это подтверждает и тематическая секционная структура прошедшего конгресса.

Конечно, значительная часть секций и в Утрехте имела чисто экономический характер. Однако все больше, по сравнению с конгрессами в Буэнос-Айресе и Хельсинки, стало секций, участники и организаторы которых обратились к выявлению и анализу не только демографических, географических, политических и даже биологических (К. Ллойд) факторов хозяйствования, но и социальных и антропологических. Здесь можно назвать секции, где рассматривалась история трудовых отношений, занимавшая важное место на конгрессе; история голода в современную эпоху; коррупция и преступные сети в современной истории.

Не менее ярко отмеченная тенденция проявилась в многочисленных заседаниях, посвященных проблемам истории предпринимательства и его социокультурным факторам. Следует назвать секции, где развернулось обсуждение связей раннего христианства и античной экономики; истории предпринимательства в Африке с XVIII в.; промысла уличных торговцев в раннее Новое время; торговых колоний и иностранных торговых сообществ в раннее Новое время; участия иностранных предпринимательских меньшинств в экономическом развитии в России, западно-европейских странах и Латинской Америки в XIX–XX вв.; роль в развитии предпринимательства ассоциаций промышленников.

В нескольких секциях выступавшие осветили аспекты гендерной истории предпринимательства, представив доклады о стратегии финансового менеджмента в женском предпринимательстве в Европе в 1600–1960 гг., роли женщины в семейной предпринимательской стратегии и в хозяйственной стратегии в целом.

Конвергенция классической экономической истории и социальной, антропологической истории предпринимательства достигла такого уровня, что одна из секций конгресса по экономической истории была посвящена анализу исторических детерминант предпринимательства. Подобная проблематика вызвала значительный интерес.

Однако выводы о положении дел в мировой экономической истории, которые можно оценить положительно, необходимо дополнить и печальными наблюдениями. Конгресс показал, что интерес к экономической истории России за рубежом невелик. Истории нашей страны касались авторы единичных докладов европейских и американских ученых.

Негативным фактом является небольшое по численности представительство российской экономической истории на международной арене. Это связано не только с недостаточным развитием современной отечественной экономической истории. Результаты даже вполне состоявшихся в нашей науке исследований остаются неизвестными зарубежным специалистам. Классические историко-экономические журналы остаются труднодоступными для российских авторов. Главным способом преодоления сложившегося положения представляется существенная интенсификация участия российских “экономических историков” в зарубежных научных конференциях и конгрессах. Это, однако, сложно осуществить, тем более в условиях продолжающегося финансово-экономического кризиса, пока представление доклада российского ученого на международном форуме остается делом разрозненных индивидуальных усилий.

В этой связи необходимо без промедления приступить к созданию Российской ассоциации экономической истории. Парадоксально, но, будучи представленной в течение многих лет в Исполкоме Международной ассоциации экономической истории, Россия имеет некоторые проблемы с подтверждением формального статуса своего членства, так как в нашей стране нет своей национальной ассоциации. Свою роль в этой ситуации сыграло советское прошлое. Но страна изменилась и именно такая общественная организация могла бы, как это делается в других странах, организовывать и стимулировать, в том числе и финансировать, более активное участие отечественных историков и экономистов в международных форумах. Кроме того, расширение присутствия российских ученых в мировой историко-экономической науке со всей очевидностью будет способствовать росту интереса за рубежом к нашей хозяйственной истории. Показательно, что на Утрехтском конгрессе 4 из 7 докладов по российской тематике, сделанных зарубежными учеными, были сконцентрированы в секциях, инициированных российскими организаторами.

В.Н. Захаров. Роль колоний, создаваемых коммерсантами разных стран в отдаленных регионах мирового рынка, так или иначе, затрагивалась на предыдущих конгрессах, в секциях, посвященных экономической истории Средних веков и Раннего нового времени. В результате возникла идея организовать в рамках XV конгресса секцию, задачей которой станет изучение роли и значения торговых колоний в развитии мировой торговли в период их расцвета. Этот расцвет имел место в эпоху Раннего нового

времени, когда наибольшее значение в первоначальном накоплении капитала принадлежало международной торговле. На призыв организаторов представить доклады на секцию, откликнулись более десяти историков разных стран. Восемь из них прибыли в Утрехт и приняли участие в работе конгресса.

В данном случае был в полной мере выдержан принцип Конгресса – избегать страноведческого подхода и рассматривать проблемы, важные для истории мировой экономики в целом. Бесспорно, тема коммерческих колоний является общей для многих стран: как для тех, откуда коммерсанты отправлялись в дальние регионы мира, так и для тех, на территории которых эти колонии действовали. Состав секции в полной мере отразил международный характер системы торговых колоний. Все восемь ее участников представляли восемь стран. Кроме организаторов, это А. Каракаузи из Италии, Б. Даугерти из Великобритании, П. Пурчасс из Франции, Г. Харлафтис из Греции, Х. Дальхеде из Швеции и Ж.Ж. Андраде Арруда из Бразилии. Как видим, подавляющее большинство представляли Европу. Может быть, это не в полной мере соответствовало стремлению организаторов конгресса выйти за рамки “европоцентризма”. Однако сама тема предполагала активное участие специалистов из европейских стран, где существуют давние традиции в изучении деятельности своих соотечественников, осваивавших отдаленные рынки. Для участия в секции практически не поступило заявок от ученых стран Азии, Африки и Америки (за исключением Ж.Ж. Андраде Арруда), где собственно и действовали в изучаемую эпоху колонии европейских коммерсантов. Очевидно, в данном регионе интерес к этой теме недостаточно высок; гораздо большим вниманием там пользуется история Нового времени, по крайней мере, XIX в., о чем свидетельствуют секции, где были широко представлены ученые из упомянутых частей света.

Интересно, что и почти все европейские участники говорили о деятельности иноземных торговых колоний на территории своих стран. Россия, прежде всего, являлась полем деятельности иностранных купцов, о чем применительно к XVIII в. шла речь в моем докладе.

Нидерландские купцы активно действовали в изучаемую эпоху во многих регионах мира, но Я.В. Велувенкамп посвятил свой доклад английской торговой колонии в Роттердаме. Британские купцы действовали во многих других регионах мира, но Б. Даугерти проанализировала деятельность итальянских и немецких купцов в Англии в XV в. Французские купцы также старались не отставать от своих конкурентов из других торговых держав за морями и океанами, но П. Пурчасс говорил о колонии гамбургских купцов во Франции в XVIII в. Х. Дальхеде рассмотрела семейные и родственные связи обосновавшихся в Швеции иноземных купцов. Венецианец А. Каракаузи представил доклад о деятельности в Венеции купцов из Флоренции и Генуи, которые в XV–XVI вв. были в республике Святого Марка иностранцами. Лишь Г. Харлафтис представила обстоятельный доклад о колониях греческих купцов в регионе Средиземного и Черного морей. Особое место занимал доклад Ж.Ж. Андраде Арруда. Докладчик несколько иначе понимал смысл слово “колония”, в связи с чем его доклад был посвящен торговле Португалии и ее колоний в Африке и Бразилии, в связи с чем возникал своего рода “трехполярный мир”.

В связи с этим на заседании секции возникла оживленная дискуссия: что считать колонией? В ней приняли активное участие гости, члены других секций. Выяснилось, что в разных странах в понятие колония вкладывается далеко не одинаковый смысл. Это в очередной раз подтвердило очевидную ныне истину, что по мере развития кооперации и сотрудничества историков разных стран необходимо если не выработать общий понятийный аппарат, то хотя бы договориться, что именно подразумевается в разных странах и в рамках разных научных школ под одним и тем же понятием.

Дискуссия о том, что есть колония, не помешала, однако, выявить основные итоги данной секции, связанные со значением колоний иноземных купцов в развитии мировой торговли. Выяснилось, что их роль менялась с течением времени. Кроме того, она зависела от конкретно ситуации, от соотношения сил местных и приезжих коммер-

сантов. В ряде случаев, особенно в Раннее новое время колонии должны были обеспечить освоение новых рынков коммерсантами метрополии. В дальнейшем, в XVII и особенно в XVIII вв., когда многие рынки были уже в значительной степени освоены, а в ряде стран, иноземные купцы все в большей степени испытывали конкуренцию со стороны местных купцов, община купцов-иностранцев должна была обеспечить для своих членов наилучшие условия предпринимательской деятельности. При этом колонии могут становиться более открытыми или более закрытыми в зависимости от конкретной ситуации. В России в XVIII в., как и в ряде других стран, как например, в Швеции, происходил процесс транснациональной трансформации существующих колоний иноземцев. Само слово “колония” в этом случае теряло смысл. Недаром в русских источниках того периода оно практически не упоминается. Поэтому ряд участников секции и дискуссии предложили именовать их “общинами”.

Д.В. Диденко. Круг рассмотренных на конгрессе тем очень широк и разнообразен. Их обобщенную характеристику уже дали коллеги. Я остановлюсь на той его части, проблематика которой непосредственно связана с темой моего доклада. Это, в первую очередь, секция “Накопление человеческого капитала и экономический рост с XIX в.”. В ходе ее работы рассматривались важные и дискуссионные проблемы приложения к эмпирическим исследованиям экономической теории Т. Шульца, Г. Беккера, Дж. Минцера, оформившейся в русле неоклассического “мейнстрима” в 1960-х годов. На предыдущем конгрессе в 2006 г. данная тематика не была представлена самостоятельной секцией.

Общей задачей участников было прийти к консенсусу относительно способов измерения характеристик человеческого капитала и усилить межстрановой компонент исследований, особенно в плане изучения различных механизмов и результатов его влияния на экономический рост.

В свое время концептуальный аппарат теории человеческого капитала привлек внимание исследователей к образованию как сфере экономической деятельности и способствовал лучшему пониманию механизмов экономического роста в индустриальную и постиндустриальную эпоху в странах, задающих институционально-технологические эталоны мирового развития. Сделанные на секции доклады показали, как эти механизмы работали на примерах других стран, в отношении которых научная литература, обращающаяся к теории человеческого капитала, имеет значительные пробелы в анализе социально-экономической реальности.

Организаторы секции П. Фёльдвари (Венгрия) и Б. ван Леувен (Нидерланды) в совместном докладе указали на влияние институциональных факторов, посредством которых накопленный уровень человеческого капитала воздействовал на экономический рост в странах Южной и Центральной Европы (без России/СССР). Докладчики рассмотрели ситуацию исторического эксперимента, в результате которого в послевоенный период значительно разошлись пути стран, обладавших близкими политико-экономическими характеристиками в межвоенный период 1920–1930-х годов. В 1960–1980-х годах отставание стран Центральной Европы по эффективности использования и физического, и человеческого капитала становилось все более заметным. С помощью новых подходов докладчики подтвердили ранее сделанные в литературе выводы, что в результате перехода к рыночной экономике вклад человеческого капитала в экономический рост стран Центральной Европы в 1990–2000-е годы заметно увеличился.

Значимое влияние накопленного в метрополиях уровня человеческого капитала на качество колониальных социально-экономических институтов отметили в совместном докладе Й. Батен и В. Прайон (Германия).

Информативный доклад Й. Годо (Япония) был особенно интересен с точки зрения межстрановой компаративистики и демонстрации того, как усиленное инвестирование в образовательный сектор стран, осуществлявших догоняющие модернизации (Японии, Южной Кореи и Тайваня по отношению к США), предшествовало скачку в их индустриальном развитии. Представляется, что подобный анализ может дать зна-

чимые результаты и на российском материале: с точки зрения теории модернизации данные страны референтны по отношению к России.

В плане изменения вклада человеческого капитала в рост национальной экономики важный вывод содержал доклад А. Коккинена (Финляндия), который не смог приехать, но его доклад был представлен на заседании секции. Ученый выявил, что на ранних этапах индустриального развития Финляндии скорее экономический рост способствовал накоплению человеческого капитала, и лишь на зрелых стадиях (в послевоенный период) можно говорить также о влиянии накопленных инвестиций на темпы роста ВВП.

Похожая динамика была рассмотрена в докладе Л. Прадос де ла Эскосура и Х. Росес (Испания). Ими были построены модели совокупной факторной производительности испанской экономики в 1850–2000 гг. в зависимости от уровня накопления факторов производства (в том числе человеческого капитала). Эти модели показали, что примерно сто лет длился период их накопления в сочетании с низкой производительностью, и лишь с 1950-х годов заметно росла эффективность использования факторов производства.

Таким образом, примеры Финляндии и Испании обращают нас к двум моделям влияния человеческого капитала на экономический рост, созданных на рубеже 1980–1990-х годов нобелевскими лауреатами Р. Лукасом (характерна скорее для ранних стадий современного экономического роста) и П. Ромером (характерна для зрелых стадий). Модель экономического роста меняется при формировании определенного объема человеческого капитала и смене стадий развития.

Й. Лjungберг (Швеция) попытался оценить производительность образовательного сектора, считаясь постоянной в стандартной методологии системы национальных счетов. В отношении Швеции Лjungберг установил, что хотя частная норма отдачи на человеческий капитал на протяжении XX в. имела тенденцию к снижению, социальная эффективность образовательного сектора показала некоторое увеличение. С нашей точки зрения, это можно интерпретировать как свидетельство того, что вклад человеческого капитала в экономический рост Швеции возрастал, несмотря на снижение премии за квалифицированный труд и общей дифференциации доходов.

М.М. Каму и С. Маубригадес (Уругвай) также обратили внимание не только на объем вложений в образовательный сектор, но и на уровень отдачи человеческого капитала через премии за квалифицированный труд. В то же время, они заметили, что при сохранении высокого уровня этого показателя, общее распределение доходов в Уругвае в 1940–1950-е годы становилось более равномерным по мере роста образовательного уровня населения. Замечу, что к 1960 г. Уругвай по показателю среднего количества лет формального образования населения занимал первое место среди крупных и средних стран Латинской Америки, а в 2000 г. удерживал место в их первой пятерке.

Таким образом, в практику историко-экономических исследований входит измерение характеристик человеческого капитала через показатели дифференциации оплаты труда. Ведь теория человеческого капитала исходит из предположения, что неравенство доходов работников является следствием неравенства в производительности накопленного ими человеческого капитала, имея в виду наличие глобального тренда к снижению относительных издержек социальной и профессиональной мобильности. При этом исторические тенденции частной отдачи на человеческий капитал наиболее четко проявляются через динамику относительной оплаты труда в отраслях экономики, производящих нематериальные интеллектуальные продукты. Именно интеллектуально-ёмкий сектор экономики в наибольшей степени использует накопленный человеческий капитал и одновременно осуществляет его воспроизводство. Исходя из этого, в моем докладе была сделана попытка определить долгосрочные исторические тенденции отдачи человеческого капитала через изучение динамики неравенства доходов.

В развитие гипотезы о дугообразном внутристрановом тренде неравенства доходов в индустриальную эпоху (в виде перевернутой буквы “U”), мной было отме-

чено, что в более длительной ретроспективе неравенство доходов имеет тенденцию к возрастанию в периоды системных трансформаций и к снижению с переходом к эволюционному развитию. Были приведены примеры наиболее репрезентативных национальных экономик (в том числе российской), осуществлявших инновационные и догоняющие, индустриальные и постиндустриальные модернизации, а также переход от централизованной к открытой рыночной экономике. В целом эти примеры свидетельствуют в пользу положительной реакции темпов экономического роста на возрастание дифференциации доходов, в основе которой лежали различия в человеческом капитале экономически активного населения. При этом было установлено, что в случае применения линейных моделей, указанная зависимость, как правило, не является статистически значимой.

Хотелось бы остановиться на том, какие стороны человеческого капитала получили освещение в меньшей степени и где видится пространство для дальнейших исследований. Человеческий капитал общества формируется не только в сложившихся организационных формах образования, но также в различных неформальных и информальных практиках дополнительного образования, обучения в семье и на рабочем месте, что в современной литературе в совокупности нашло отражение в концепции “непрерывного образования”. Но измерение объема инвестиций в такого рода человеческий капитал сопряжено с серьезными источниковедческими и методологическими трудностями. Поэтому наиболее достоверными индикаторами инвестиций в человеческий капитал за длительные периоды времени остаются показатели финансовых затрат и натурального выпуска образовательного сектора. Тем не менее, участники секции в определенной степени показали понимание того, что изучение человеческого капитала не исчерпывается образовательным сектором, и это было отмечено в ходе дискуссии. В частности, мы косвенно учитываем прочие сектора, когда касаемся результатов использования человеческого капитала, а именно его воздействия на динамику дифференциации доходов и экономического роста.

В этом плане близкими по проблематике были доклады секции “Долгосрочные тенденции глобального неравенства”, организатором которой выступил Я.-Л. ван Занден как вице-президент Международной ассоциации экономической истории. Докладчики продемонстрировали современный уровень изучения долгосрочных тенденций социально-экономических неравенств в мировой историко-экономической науке. Казалось бы, данная тема могла иметь сильную российскую научную школу хотя бы в силу преобладания марксистского прошлого, однако соответствующая профессиональная литература издается преимущественно за рубежом. На первый взгляд выглядит парадоксальным, что данная проблематика успешно разрабатывается школами исследователей, которые вряд ли могут ассоциироваться с “левыми” политическими взглядами и движениями.

Особо следует отметить участие в работе секции исследователя из Всемирного банка Б. Милановича. Всемирный банк имеет сильную школу эмпирических исследований и прикладного анализа проблематики социально-экономических неравенств и бедности. Расчет уровней дифференциации доходов в доиндустриальную эпоху был выполнен им на основе социальных таблиц. Важное методологическое значение имеет ранее введенный Б. Милановичем (совместно с Дж. Уильямсоном и П. Линдертом) и использованный им в докладе индикатор “коэффициент изъятия” прибавочного продукта элитой общества. Он сопоставляет фактический уровень неравенства доходов с его максимально возможным значением, рассматривая последнее как исторически изменчивую величину в зависимости от характерного для конкретного общества прожиточного минимума.

Крупным исследователем проблем неравенства, который принял участие в работе секции, был Дж. Уильямсон (США). Охватив в своем докладе пятидесятилетний период истории неравенства доходов в Латинской Америке, он показал наличие общих с Европой долгосрочных тенденций и сопоставимость абсолютных уровней до начала индустриальных революций. В значительной степени историческая реконструк-

ция осуществлялась им на основе смелых (хотя и не бесспорных) предположений с использованием данных социальных таблиц, отдельных расчетов других авторов и с применением “коэффициента изъятия”.

Доклады, сделанные на секциях, основывались на междисциплинарных подходах, во многих отношениях дополняли друг друга и позволяли создать объемное понимание существующих в мировой научной литературе тенденций эмпирического изучения человеческого капитала во взаимосвязи с проблематикой социально-экономического развития.

М.А. Липкин. Прошедший XV Всемирный конгресс по экономической истории был первым конгрессом такого высокого уровня, на котором мне довелось выступать в качестве докладчика и главного организатора сессии “СЭВ и ЕЭС: 1950–1980-е годы”. Подготовка сессии велась еще со второй половины 2008 г., когда идея нашла поддержку у соорганизаторов – профессора Института Европейского университета во Флоренции К. Пателя и исследовательницы из университета Флоренции А. Романо.

В 2009 г. отмечалось 60-летие со дня образования Совета экономической взаимопомощи (1949 г.) и 20-летие подписания соглашения о торговле и сотрудничестве между СССР и Европейским сообществом (1989 г.). Учитывая эти даты, дефицит серьезных исследований по истории взаимовлияния западной и восточной моделей интеграции в XX в., а также отсутствие тем по европейской интеграции в одобренных летом 2008 г. сессиях по итогам первого отборочного круга заявок, было решено объединить усилия исследователей, работающих в этой области.

В результате на сессии были представлены 5 докладов: из России (М. Липкин. “Советские региональные и глобальные экономические инициативы и развитие торговых блоков в Европе, 1950-е–1970-е годы”, из Австрии (В. Мюллер. “Провозглашая признание, получая разрядку? СССР, СЭВ и ЕЭС, 1962–1973 гг.”), из Финляндии (С. Кансикас. “Политика СЭВ в отношении ЕЭС, 1969–1975 гг.”), из Италии (А. Романо. “Европейское сообщество и коммунистическая Европа в 1970-х годов”) и из Польши (Д. Яешняк-Кваст. “Восприятие и реакция в отношении ЕЭС в Польше и Чехословакии”). В качестве комментаторов выступили К. Патель (Италия) и Й. Шот (Голландия).

Основная дискуссия развернулась вокруг поворотного момента в истории СЭВ и ЕЭС – инициативы Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева (1972 г.) и поиска путей взаимного признания СЭВ и ЕЭС на протяжении 1970-х и 1980-х годов. Невозможность договориться о взаимном признании и заключении соглашения между интеграционными объединениями Запада и Востока В. Мюллер объяснил отсутствием политической воли со стороны СССР. В его интерпретации широкий жест Брежнева 1972 г., приглашавший к равноправному диалогу “Общий рынок” и СЭВ, был тактическим ходом, позволившим Москве поддерживать внутривосточные позиции канцлера ФРГ В. Брандта в момент парламентского одобрения ключевого для политики разрядки Московского договора с ФРГ. Однако точка зрения австрийского историка представляется спорной. Не вызывает сомнений, что время выступления Брежнева было выбрано не случайно; увязка с поддержкой “восточной политики” Брандта имела место, однако такое заявление осталось бы на бумаге, если бы для поворота не созрели объективные предпосылки. Заявление Брежнева дало импульс новым обсуждениям вопроса отношения СЭВ к ЕЭС и обмену проектами договора в 1975–1976 гг. Однако механизм принятия решения в восточном блоке был столь неповоротлив, что реально СЭВ стал готов к переговорам лишь в 1973–1974 гг., а проект договора со стороны СЭВ вызрел только в 1975 г. В итоге СЭВ ждал решения Политического консультативного комитета Варшавского Договора 1973 г., чтобы потом наделить соответствующими полномочиями своего исполнительного секретаря, который встретил в ЕЭС холодный прием и уже совсем другое отношение после расширения “Общего рынка”, чем в начале 1970-х годов. Антагонизм интересов СЭВ и ЕЭС на фоне угасания разрядки предопределил неуспех переговоров и контактов вплоть до 1984 г., когда СЭВ согласился на обсуждение западноевропейского варианта не всеобъемлющего договора, а

просто совместной декларации о признании и установлении контактов, подписанной в 1988 г. Такой подход выводил СЭВ из игры в качестве координирующей организации, развязывая руки его членам для двусторонних соглашений с ЕС. Это в итоге во многом и предопределило последовавшую конечную дезинтеграцию СЭВ.

В ходе дискуссии и ответов на вопросы выявился интерес как к заявленным в докладах сюжетам, так и к малоизученным темам. Среди них – сотрудничество и соперничество СЭВ и ЕЭС в странах “третьего мира”, роль западноевропейских лобби-групп в наведении мостов между СЭВ и ЕЭС. Дальнейшее изучение этого комплекса вопросов возможно только в случае объединения усилий историков разных стран, работающих на материале российских и зарубежных архивов.

На конгрессе была слабо представлена история второй половины XX в. Прошла лишь одна сессия по истории “холодной войны”, и то посвященная ее периферии, только две сессии занимались историей европейской интеграции, причем вторая из них, посвященная анализу последствий последнего расширения ЕС (“Способствует ли расширение и членство в ЕС преодолеть экономическую отсталость”), оказалась слабо подготовленной. Выступления были посвящены только одному аспекту – влиянию вступления в ЕС на образование в восточноевропейских странах. Серьезного обсуждения заявленной проблемы не произошло.

Возможно, это было следствием вынужденных изменений в программе, вызванных мировым экономическим кризисом. Влияние кризиса отразилось как на тематике сессий конгресса (большое внимание уделялось финансам и банкам, прошлым кризисам, попыткам спрогнозировать будущее), так и в работе нашей сессии.

Среди мэтров экономической истории, активно принявших участие в этом конгрессе, были такие фигуры как П. О’Брайен и Г. Ван дер Вее. Последний презентовал в соавторстве свою новую книгу “Бельгия, ее друзья и ее враги, 1939–1945 гг.”, посвященную финансово-экономической истории своей страны в военные годы.

К сожалению, поколение масштабных, общепризнанных фигур в макроэкономической истории постепенно в силу естественных причин уходит с авансцены международных конгрессов. По-видимому, усложнение процессов мирового развития и рост числа источников оказывается не под силу одному исследователю. Наступает период активного объединения узких специалистов (историков техники, экономики, социологии, демографии) через различные научные сети, которые сосуществуют наряду с классическими региональными ассоциациями в той или иной области знаний. Это рассеивание было признано на сессии по истории Международной экономической ассоциации объективной тенденцией своего времени. В этой связи возрастает важность всемирного конгресса по экономической истории как объединяющей площадки, где заявляют о себе различные научные школы, рождаются научные сети и происходит активный обмен новыми фактами, гипотезами и теориями ведущих исследователей со всего мира.

Л.И. Бородин
доктор исторических наук,
заведующий кафедрой, профессор исторического факультета МГУ,
Ю.А. Петров,
доктор исторических наук,
заведующий сектором истории
Центрального банка РФ